

«Городская проза»
русской литературы 20 века

«Городская проза»

— это не только тематическое единство группы произведений не перенос действия из пейзажной среды, из циклического природного времени.

Все дело — в точке зрения, в особенностях конфликтов, сжатых, сконцентрированных на тесном и преимущественно духовно-психологическом пространстве.

Современный город — сосредоточение глубоких драм, преступлений, обманов, бытовых историй, обостренных исканий, «трений» между людьми, группами, часто не врачуемых природой, дорогой, одиночеством.

Самый городской писатель в этом плане — Федор Достоевский.

(добавочно «интеллектуальный», «философский»)

«Городская проза»

Эта проза — предельно философична.

Она исследует мир через призму культуры, философии, религии.

В этом смысле она «интеллектуальна».

Для этой прозы течение времени — это движение духа, драмы идей, многоголосие индивидуальных сознаний.

А каждое сознание — это «сокращенная Вселенная».

В известном смысле «интеллектуальная проза» 50—80-х годов продолжает и традиции М.А. Булгакова, оценивавшего мир в «Мастере и Маргарите» сквозь призму великого мифа о Христе, и Л.М. Леонова, автора «Русского леса», и, безусловно, философской прозы, дневников М.М. Пришвина, романа «Жизнь Арсеньева» И.А. Бунина и «Жизнь Клима Самгина» М. Горького. Из представителей русской эмиграции можно назвать Владимира Набокова с его культом художественной формы.

Юрий Валентинович Трифонов

повести **«Обмен»** (1969)

«Предварительные итоги»
(1970),

«Долгое прощание» (1971)

роман **«Дом на набережной»** (1976)

Юрий Осипович Домбровский

повесть **«Хранитель древностей»** (1964),

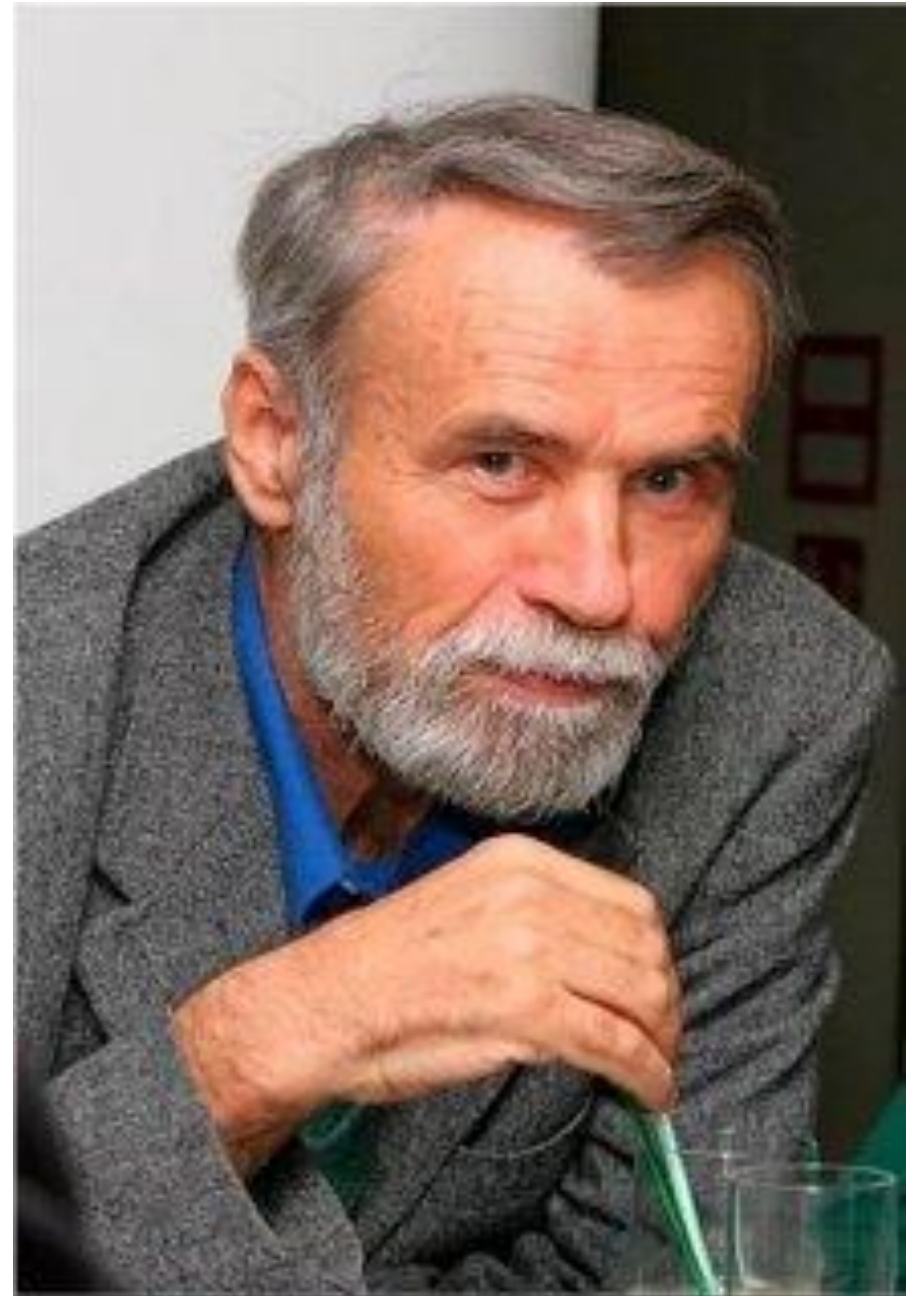
имеющая скрытое до 1978 г продолжение в виде его романа- завещания

«Факультет ненужных вещей» (1978)

Владимир Маканин

повести «Предтеча» (1982),
«Где сохотилось небо с холмами»
(1984)

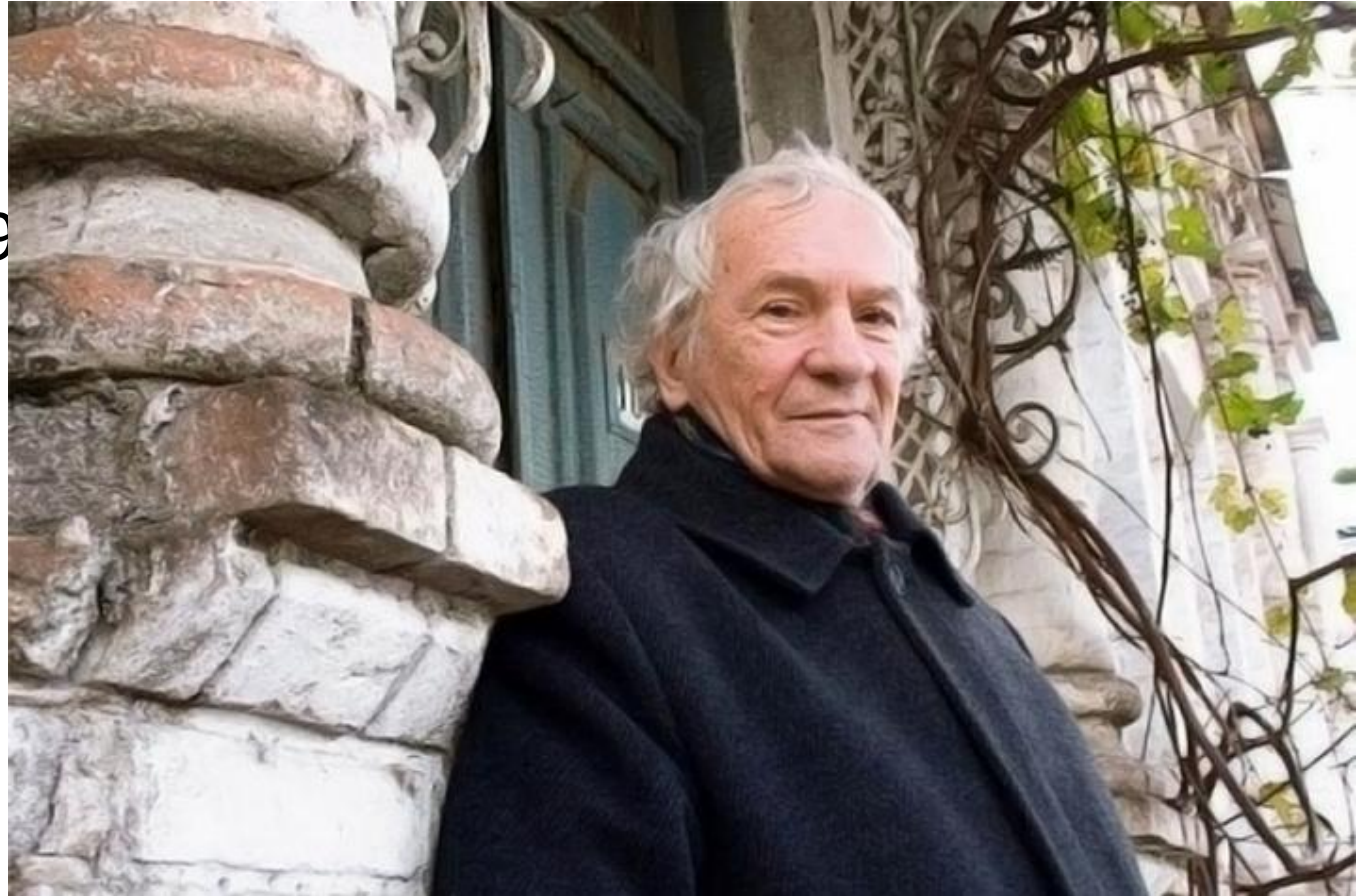
Андрей Битов

Роман «Пушкинский дом»
(1971)

Виктор Лихоносов

«Брянские» (1963),
«Люблю тебя светло» (1969)

Владимир Крупин

Повесть «Живая вода»
(1980).

Трифонов. Особенности прозы:

1. На первый взгляд в трех московских повестях писателя и в романе «Дом на набережной» (1976) господствует **стихия быта**.

Но какой **смысл** вкладывается писателем в понятие «быт», т.е. житейские хлопоты, улучшение квартирной ситуации, захват дач, разводы, устройство детей?

Во всех «московских» повестях Юрия Трифонова — и тем более в романах «Дом на набережной» и «Старик» — **быт наполнен мелочами**, над которыми сами герои, правда, свободно иронизируют. Иронизируют, спасаясь от давления пошлости, но в то же время прекрасно понимают, что **все мелочи, все мгновения образуют не «кусочек жизни», а феномен жизни, феномен времени, т.е. нечто неразложимое, бесценное.**

Трифонов. Особенности прозы:

В повести «**Обмен**» (1969) главный герой, молодой ученый Виктор Дмитриев, по настоянию расторопной жены Лены (и ее родичей Лукьяновых) решил съехаться с уже смертельно больной матерью, т.е. свершить двойной обмен, взойти «в квартирном вопросе» на более престижный уровень.

Метания героя по Москве, влияние на героя Лены, **пленницы вещей**, остальных Лукьяновых, поездки его на дачу в кооператив «Красный партизан», где некогда в 30-е годы жили одаренный льготами отец и его братья, люди элиты с революционными биографиями, люди из «дома на набережной», — и маячащий на горизонте обмен был триумфально свершен. Это почти возвращение в Кремль! Для Лены, которая «**вгрызалась в свои желания, как бульдог**», и меняться не нужно было ни в чем. Она вся пленена вещами, комфортом, привыкла отпихивать других в очередях, усмирять гордую свекровь, не желающую «**олукьяниваться**».

Трифонов. Особенности прозы:

Но и сам Дмитриев — давно уже **опустился, обменялся, изменился**. «Обмен» в нем свершен был гораздо раньше. Больная Ксения Федоровна, мать героя, **хранительница какой-то нравственной высоты, особого, скажем так, «революционного аристократизма»**, помнящая о льготах и власти до падения мужа, говорит сыну о его снижении, «олукьянивании», вообще об **измельчании, покорности духу вещизма**:

«— Ты уже обменялся, Витя. Обмен произошел ... — Вновь наступило молчание. С закрытыми глазами она шептала невнятицу: — Это было очень давно. И бывает всегда, каждый день, так что ты не удивляйся, Витя. И не сердись. Просто так незаметно...»

Сюжет увенчан аккордом, провоцирующим долгое прощание с героями, тревожное раздумье. **Повесть Трифонова полна презрения к мещанам, ностальгии по «революционному аристократизму» отцов: теперь происходит «олукьянивание» их**

Трифонов. Особенности прозы:

Юрий Трифонов был писателем, для которого **проблема времени была самой болезненной проблемой человеческого бытия.**

"У видеть, изобразить бег времени, понять, что оно делает с людьми, как все вокруг меняет... Время – таинственный феномен, понять и вообразить его так же трудно, как вообразить бесконечность. <...> Я хочу, чтобы читатель понял: **эта таинственная "времен связующая нить" через нас с вами проходит... это и есть *нерв истории***".

Все герои Трифонова так или иначе связаны с временным потоком, с "нервом истории", осознают они это или нет.

Особенности прозы писателей

Людям военных и послевоенных лет рождения на рубеже 1970–1980-х гг., когда их поколение входило в литературу, было около 40 – отсюда и такое странное определение писательской генерации.

Однако это было **не столько продолжение трифоновского взгляда на мир, сколько полемика с ним.**

В сущности, "сорокалетние" предприняли радикальное разрушение идеологии своего предшественника. В отличие от Трифонова **они утверждали не наличие нитей, проходящих сквозь толщу исторического времени и укореняющих в нем человека, а принципиальное отсутствие самой идеи исторического времени, замену его частным временем.** Подобная дистанция объяснялась принципиально разным социально-историческим опытом двух поколений, к которым принадлежали Трифонов и его "оппоненты" – **Владимир Маканин, Анатолий Курчаткин, Анатолий Ким, Руслан Киреев:** между ними пролегли два десятилетия.

Особенности прозы писателей

Не имея иных областей для самореализации, это поколение нашло ее в сфере личного бытия. Частная жизнь стала для них своего рода цитаделью, за стенами которой можно было остаться целиком самим собой. Люди, принадлежащие к этому поколению, часто утрачивали какой бы то ни было интерес к общественной жизни, к социальной сфере, к национально-историческим процессам, инстинктивно полагая, что все они, монополизированные партийно-государственным бюрократическим аппаратом, превратились в некую пропагандистскую фикцию, являются вымышленными, своего рода симулякрами, если воспользоваться терминологией позднейшей эстетической системы. Поэтому не работа, не социальный активизм, как у исторических предшественников, не шумные собрания студенческой аудитории или рабочего цеха стали местом их самореализации, а ночные посиделки на крохотных кухнях в хрущевских пятиэтажках с философскими беседами за бутылкой водки о Ницше и Шопенгауэре, любовные интриги и интрижки с хорошенькими сослуживицами или многочисленные хобби – от простых (подледная рыбалка и собирание марок) до самых невероятных (изучение экзотических и принципиально никому не нужных языков либо коллекционирование земноводных).